

Существо перед его глазами не было богом, а просто одним из существ из далекого прошлого — эпохи, которую современные люди называют «древней», — которое намного превзошло пределы человечества.

Это было просто одно из существ, настолько могущественных, что мир отверг его, изгнав за свои пределы.

Таким образом, Эорис был не более чем некогда человеческим монстром, а теперь маскирующимся под бога, насильно встраивающим фрагменты своей силы в хрупкие сосуды, чтобы вернуть себе существование в этом мире, и все это ради шанса вернуться.

«Я повторю. Слей всю эту бесполезную воду. Если ты этого не сделаешь, то это сделаю я».

«Твоя холодность превосходит даже зимы Тереи».

Печальный тон Эориса ясно дал понять, что он не собирается слушать Ишара. В ответ Ишар немедленно применил магию.

Вода, заполнившая Святилище, мгновенно испарилась, высушив не только само помещение, но и одежду и волосы Ишара.

Когда вода исчезла, исчезла и фигура перед Ишаром, исчезнув, словно мираж.

Обычно использование магии внутри Святилища было невозможно.

Это место было самым близким к Эорису в мире, и без его разрешения здесь нельзя было использовать магию.

Но Ишар мог использовать его. Поскольку Эорис существовал в этом мире лишь наполовину, он не мог полностью вмешаться и подавить его.

«Ты действительно слишком жесток».

Снова послышался голос Эориса, на этот раз сверху.

«Просто исчезни уже».

Ишар раздраженно поднял глаза. На богато украшенной люстре, свисающей с потолка, сидела длиннохвостая птица.

Ее перья переливались радужными оттенками, словно галактика, окутавшая ее тело,

прекрасная до благоговения.

Глаза существа, бледно-голубые и белые, как волосы Ишара, мерцали прозрачностью воды, когда оно смотрело на него сверху вниз.

Он действительно напоминал божественного посланника — птицу, настолько священную и мистическую, что ее можно было назвать посланником бога.

«Люди отчаянно хотели получить мою благодать. Но ты отверг мое предложение стать моим сосудом и отверг даже мою любовь. Я не знаю, что сделать, чтобы ты стал моим».

«Я не собираюсь быть твоей марионеткой. Так что прекрати эти бессмысленные трюки».

«Трюки?»

«Оракулы».

«Я просто выражал свое сердце... Полагаю, тебе это не понравилось, Ишар. В таком случае....»

Вжух! С порывом ветра птица бесследно исчезла.

Ишар, только что уничтоживший проекцию Эориса с помощью магии, наблюдал, как облик бога вновь появился, невозмутимый и восстановленный.

«В следующий раз я все проясню. Тот полукровный дракон, о котором ты так заботишься, — «Белроан». Люди позаботятся об этом за меня».

«Значит, ты все-таки знал».

С самого рождения Ишар чувствовал жадный взгляд Эориса, присосавшегося к нему, словно пиявка. Хотя он был единственным человеком в Империи Лучест, которому было разрешено войти в Святилище — место, наиболее близкое к богу, — он никогда не верил в Эориса и не проявлял преданности.

«Я всегда наблюдаю за тобой, Ишар. Хотел бы я быть единственным, кого ты видишь, единственным именем, которое ты когда-либо называешь. Я бесконечно тоскую по тебе. Так как же я мог не заметить, как ты с любовью смотришь на этого полукровку, зовешь его по имени, тоскуешь по нему...?»

За фальшиво-мягким тоном голоса Эорис начала кипеть ярость.

«Если бы ты был немного слабее, я бы тебя одолел. Если бы моя божественность была немного сильнее...»

Ишар нахмурился. До сих пор он отмахивался от слов бога как от чепухи. Но, прислушавшись, он почувствовал, что что-то... не так.

«Этот извращенный ублюдок — мог ли он знать об этой черте, которая, как говорят, присутствует в императорской крови?»

Эта абсурдная черта — желание, чтобы тобой правил кто-то более сильный.

Подозрение быстро переросло в уверенность. Эорис тщательно наблюдал за каждым членом императорской семьи Лучеста при рождении. Если у кого-то было тело, способное увеличить его божественность, он объявлял его своим сосудом.

«Это было не просто мое воображение».

Согласно записям, которые читал Ишар, многие императоры, по-видимому, сошли с ума под влиянием Эориса.

Один император, изначально убежденный атеист, полностью изменился после посещения Святынища. Этого императора Ишар хорошо знал.

'Отец...'

Лишард, известный как Безерн I, вел континентальную войну под видом объединения, разжигая пламя смерти.

До того, как возложить на себя императорскую корону и войти в Святынище, он был почти атеистом.

Но в дневнике, который он написал в тот самый день, когда впервые вошел в Святынище, переломный момент очевиден:

«Моя жизнь до сих пор была мимолетной.

Милосердный Эорис снизошел на меня и пробудил меня от невежества. Я получил благословение, которым не должен обладать ни один человек».

Написав это, Лишард начал завоевание континента, устанавливая флаг империи рядом с символом Эориса на завоеванных землях и строя храмы богу.

Предыдущие императоры делали то же самое, но по-своему: проливали кровь, чтобы возвысить божественность Эориса, и возводили святилища или алтари в качестве подношений.

«Эорис, ты...»

Ишар остановился на полуслове.

Не потому, что Эорис с жадными глазами вернулся в человеческий облик прямо перед ним.

Но вода, испарившаяся ранее, теперь снова поднималась — даже когда он сидел на алтаре — до его шеи, лишая его дара речи.

Это была вода, почитаемая людьми как святая, но все же это была просто вода. Он знал, что это было воплощение жадности Эориса.

Вода достигла его головы и заполнила Святилище.

Погрузившись, Ишар услышал журчание воды. Несмотря на то, что она затопила его нос, рот и уши, он не боялся утонуть — только отвращение.

«Этот ублюдок сумасшедший».

Нет необходимости предупреждать его второй раз.

«Я был неправ».

Эорис, который был так охвачен жалостью к себе и желанием, теперь улыбался, как ребенок, от радости.

Хотя Эорис находился под водой, его лицо было пугающе четким, а голос — невозможно близким.

Ишар, не в силах больше выносить это, снова применил магию — испарив воду и высушив свое тело, — затем схватил Эориса за шею, его фиолетовые глаза холодно сверкнули.

«Третьего раза не будет. В тот момент, когда я покину это место, я уничтожу твой храм. Но прямо сейчас я сам сломаю тебе шею».

«Ишар».

Услышав это имя, Ишар прищурился. Что этот ублюдок задумал?

Эорис, обрадованный, улыбнулся, и его бледно-голубые глаза засияли. Рука бога погладила щеки императора.

Пока Ишар пытался стряхнуть это с себя, Эорис заговорил, его голос горел:

«Ты слабеешь. Ты отдаешь этому полукровке свою магию — свою выкованную жизнью первобытную магию».

Эти слова заставили Ишара внутренне вздрогнуть от потрясения, хотя выражение его лица ничего не выдало.

Эорис, глядя на него с всепоглощающей любовью, не мог сдержать своего желания.

«Я не знаю, сколько силы ты ему дашь, но мне это выгодно. Чем больше ты истощаешь себя, тем больше я могу заявить на тебя права. Ах... Еще немного терпения, и ты будешь моим, мой дорогой Ишар. Я изнываю от тоски. Но когда я представляю, как сладок ты будешь на вкус, когда я наконец обниму тебя... даже ожидание кажется блаженством».

Ишар рассмеялся — не холодной усмешкой, а опасно красивой, чувственной улыбкой, которая пробудила что-то глубоко внутри.

Эорис был совершенно очарован. Схватив Ишара за плечи глазами, полными похоти, он показал всю степень своего желания.

Но Ишар сказал только:

«Ты думаешь, потеряв свою магию, кто-то вроде тебя сможет когда-нибудь завладеть мной?»

Вернувшись к своему холодному, бесстрастному лицу, он свернул шею Эорису — нет, он попытался это сделать.

«Ишар?»

Эорис понял, что задумал Ишар, и внезапная пауза наполнила его глупой надеждой.

Он убрал руку с плеча Ишара и провел пальцем по его безмолвным губам.

Но у Ишара не осталось никакого внимания к этому паразиту.

Все его внимание было сосредоточено на другом — его защитная магия на Белроане была разрушена одним ударом.

Используя магию отслеживания, чтобы определить точку разрыва и текущее местоположение Белроана, фиолетовые глаза Ишара задрожали.

«...Ни за что».

«Ты наконец-то предлагаешь мне себя? Тогда я с радостью....»

«У меня нет времени тратить его на твою ерунду».

Не колеблясь, Ишар сломал шею Эорису.

<http://bllate.org/book/17761/1661571>